

УДК 111.1+82
ББК 87+83

Т.Г. Струкова

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ЛИТЕРАТУРА

Рассматривается феномен повседневности как сложная, динамическая система, которая по своему реализуется в разные исторические эпохи. Анализируется природа повседневности, наглядность как принцип кодирования повседневности, ее качества. Исследуются стратегии повседневности, а также способы реализации культурных, психологических, коммуникативных, властных практик.

Ключевые слова: *повседневность, динамическая система, код, наглядность, телесность, вещьность, эволюционные стратегии.*

Струкова Татьяна Георгиевна – докт. филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы XX в. Воронежского государственного педагогического университета
Тел.: 8-910-285-45-83
E-mail: tstrukova@mail.ru

© Струкова Т.Г., 2010 г.

В отечественной гуманитарной науке проблема повседневности разрабатывается в основном в философии, антропологии, социологии, истории. Термин «повседневность» впервые появляется в заголовке книги З. Фрейда «Психопатология повседневной жизни» (1904) [Фрейд]. В семантике самого слова – повседневность – отражены текущие события, которые происходят изо дня в день, особый ритм ежедневной жизни, у каждого свой и в то же время единый; в нем заключена всеохватность [Ожегов, Шведова, с. 104], когда любая бытийная и бытовая деталь оказывается важной. В нем есть отзвук длинной культурной волны, оно напоминает о библейской формуле «се человек», указывая на природу человеческую, хотя и созданную по образу и подобию бога, но в отличие от него суетную, слабую, властолюбивую, тщеславную и в то же время возвышенную, героическую, преданную и любящую. Кстати, у Даля [Даль, с. 169] понятие повседневности отсутствует, а есть слово «быт», да и быт Даль понимает как национальный, народный, сословный уклад, ориентируясь на традиционную интерпретацию обыденности.

Если говорить об английском варианте «everyday life», то семантика еще прозрачней – ежедневная жизнь, в которой есть темпоральность и повторяемость, событийность и бессобытийность, цикличность и линейность, неразрывность и дискретность, движение и остановки. Все это обращает к размышлениям о том, на-

сколько повседневная жизнь во всех ее ипостасях влияет и формирует личность, потому что внимание или только к телесности, или только к духовности, или только к душевности затеняет многогранность ее природы, тогда как человек – неделимая духовно-телесно-душевная субстанция. Это великолепно понимал А. П. Чехов, который настаивал на том, что и душа, и дух, и тело человека должны быть прекрасны.

Повседневность обладает одной важнейшей, неотъемлемой чертой: ее нельзя переложить на кого-либо. Переложить на другого можно многое – ответственность, вину, долг, обязанность и так далее, а вот повседневность, во всех ее физических, психических, эмоциональных, пространственно-временных проявлениях переложить на кого-либо невозможно. В противном случае это будет другая жизнь, а человек мгновенно теряет то, что присуще только ему (привычки, навыки, эмоции, жизненный ритм, привязанности и т.д.), по сути, он утрачивает индивидуальность. Повседневность можно только проживать, и, самое главное, она проживается индивидуально. Она является «уделом человеческого».

В социологии есть уже ставшее классическим определение повседневности, понимаемое как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [Бергер, Лукман, с. 38]. В этом объяснении, на наш взгляд, важны два момента, которые акцентируют многозначность и динамическую подвижность самого феномена: во-первых, повседневность очевидна для всех людей, хотя, естественно, неоднородна по содержанию и смыслу. Повседневность – это целостный мир, в котором человек взаимодействует с другими, и с этой точки зрения она объективна. Во-вторых, понимание каждого момента бытия, реальности у отдельного человека индивидуально, а потому повседневность субъективна. Повседневность не может ответить на вопросы «что», «кто». Она отвечает на вопросы «как», «каким образом», «где», «когда», что свидетельствует о способности мира сохранять свою идентичность, вмещающая огромное количество все новых и новых объектов.

Повседневность как сложное явление разрабатывалась феноменологией, она была в сфере интересов экзистенциализма, герменевтики, Франкфуртской школы, реализовалась в исследованиях повседневного языка Л. Витгенштейна, мифологии обыденной жизни Р. Барта и т.д. Э. Гуссерль придавал большое значение «сфере человеческой обыденности», которую он назвал «жизненным миром». Э. Гуссерль призывал не доверять слепо «естественным установкам», состоящим из различных верований, главным из которых является то, что индивида окружает реальный мир, хотя в повседневной жизни человек руководствуется именно убеждениями.

Ортега-и-Гассет писал: «Я есть я и мои обстоятельства». Отдельный индивид есть часть своего поколения, которому присущ тот же горизонт, время, пространство, история и социальные проблемы. Испанский философ делит поколения на кумулятивные, т.е. накопительные

или новаторские и поколения полемические или «решительные», которые формируют новые коллективные идеалы, ценностные установки. Люди, наделенные мужеством и фантазией, генерируют идеи и определяют движение пассивного большинства или «миметических масс» [Ортега-и-Гассет]. Идеи-изобретения есть новые творения, а «верования» – основное наследство прошлого, своего рода коллективное бессознательное. Ортега-и-Гассет отмечал, что в идеях-изобретениях сформулированы научные истины, а верования ненадежны, но в них скрыт ежедневный автоматизм человеческой жизни, и таких автоматизмов в отдельный момент бытия множество. Можно сказать, что консолидированное бессознательное, принимая форму верований, помещает реальность внутрь повторяющихся схем, по которым человек действует изо дня в день.

А. Шютц рассматривал «мир, в котором мы живем» не как изначально заданную реальность, а как нескончаемый процесс формирования «картины мира, в котором мы живем». И эта картина мира субъективна в том смысле, что меняется она в зависимости от стремлений людей, их мечтаний, фантазий, сомнений, реакций на частные и общие события, воспоминаний о прошлом, индивидуальных представлений о будущем.

М. Шелер создал персоналистскую антропологию, где понятие персонального объяснил следующим образом: человек – это центр интенциональных актов, а личность есть конкретный индивид, являющий собой единство телесно-духовного субъекта. И каждый индивид использует тело для реализации разного рода ценностей – физических, жизненных, чувственных, гражданских, культурных, эстетических, этических, юридических, религиозных и т.д. В понимании отечественных философов повседневность – «природно-телесное и лично-общественное бытие / поведение человека, необходимая предпосылка и общий компонент всех остальных форм людской жизнедеятельности» [Касавин, Щавелев, с. 22].

Историко-антропологический подход, сформированный Франкфуртской школой, стал ведущим в работах М. Блока, Ф. Броделя, Л. Февра, которые рассматривали повседневность как часть жизненного макроконтекста людей, охватывающего материальные (реалии экономики) и нематериальные (психология, ежедневные практики) структуры. Ф. Бродель называет второй уровень «структурами повседневности», потому что именно в них реализуются культурные, исторические, демографические, психологические и другие сюжеты [Бродель, с. 19]. Ментальность людей во многом определяется их образом жизни, бытом, индивидуальными и коллективными привычками, стереотипами восприятия и поведения, культурными ориентирами, что совокупно формирует общую картину эпохи, единый дух времени.

К. Ясперс обозначил экзистенциальный выбор человека в каждый момент бытия как возможно единственный, а свобода выбора интерпретируется им как бескомпромиссная, даже жесткая безаль-

тернативность, которую необходимо осознать и принять. Знаменитая формула Ясперса «Мое Я тождественно реальному месту, в котором я нахожусь» означает, что я совпадаю с действительностью, принадлежу какому-то этносу, роду. А если я это отвергаю (присоединяюсь к другому народу, отрекаюсь от родителей, детей, этноса), то изменяю себе самому, потому что я – это моя ситуация, реальность, из которой нельзя выйти. К. Ясперс отмечал, что отдельная истина каждого индивида есть движение к Единственной правде, которая ищется всеми и которая превышает любую индивидуальную истину, и в этом непрерывном движении единичные непохожие экзистенции вступают в диалог друг с другом, что создает широчайшую палитру жизни. И в этом заключается кардинальное расхождение рассуждений философа-экзистенциалиста и теоретических рефлексий постмодернизма, в которых отстаивалась идея множественности истин, их ризоматичности, а вот единственная правда отсутствовала.

Мишель де Серто – французский философ, теолог, литературовед – в книге «Изобретение повседневности» (1980) акцентирует, что обыденность отличается от других практик каждодневного существования повторяемостью и бессознательностью. Ученый отмечает двойственную природу повседневной жизни, которая, с одной стороны, истощает деятельность, а с другой – ее продуцирует, открывая широкие возможности для творчества. М. де Серто разграничивает понятия «стратегия» и «тактика»: первое связано со структурами и институтами власти, а тактика используется личностью для того, чтобы создать собственное свободное пространство внутри поля, которое определяется стратегиями. Повседневность позволяет, как подчеркивает М. де Серто, обнаружить формы культурных практик, которые свойственны и эпохе в целом, и отдельному этносу, а кроме этого, дает возможность увидеть их неразрывную связь со словом как «источником всякой власти» [Certeau, с. 45].

Повседневность – эта целая система кодов, с которой мы соотносим свои восприятия и переживания и в которой производятся значения, создаются и преобразуются объекты. Отметим, что повседневность не может быть сведена исключительно к этнографическому, региональному или бытовому материалу. У. Эко подчеркивал, что внутри повседневности как знаковой системы бытийное объединено с бытовым, и этой системе заключен культурный код семьи, группы, народа, страны [Эко, с. 66]. В отечественном литературоведении Ю.М. Лотман был одним из первых, кто полагал, что феномен повседневности значительно выходит за рамки изображения просто трудового или внерабочего быта [Лотман, с. 13].

В истории литературы велика роль эссе, эстетических манифестов и программ, писательских дневников, воспоминаний, переписки, в которых, кроме всего прочего, отражается не только замысел произведений или стратегия их создания, но и личная интенция, которая побуждала к творчеству, потому что в малых, незначительных повседневных

деталей индивидуальной жизни скрывается большое. У специалистов в области античной или средневековой литературы этот пласт текстов зачастую отсутствует, а потому исследование повседневности в произведении идет в русле толкования символов, поисков глубинных смыслов, когда эмпатическое вживание в чужую тривиальность и в то же время сокровенность является своеобразным переводом с другого эмоционального языка. А это, естественно, формирует субъективное знание и субъективную трактовку, в которой очевидна личность самого интерпретатора. Специалистам в области литературы Нового времени несколько проще, потому что существует корпус внехудожественных текстов, которые приоткрывают завесу и позволяют взглянуть на повседневность писателя, героя, эпохи, хотя, заметим, и в этом случае субъективность исследователя сохраняется.

В центр литературной рефлексии поставлен человек, а потому сфера повседневности в художественном произведении охватывает многообразные жизненные аспекты. Назовем только несколько: во-первых, эпизоды публичной жизни человека, способы и варианты его приспособления к внешнему миру; во-вторых, частная, домашняя, приватная жизнь персонажа, в которую включены бытийность и быт во всех его ипостасях; в-третьих, многообразные эмоциональные проявления, которые спровоцированы обыденными обстоятельствами, причем событийность или бессобытийность может быть как индивидуальной, так и коллективной. И хотя описание подробностей быта делает его понятным человеку последующих эпох, но, тем не менее, акцент только на скрупулезном изображении бытовых деталей не дает полного представления о внутреннем мире человека, его мечтаниях, реализованных и нереализованных замыслах, обидах и поражениях, победах и взлетах. В произведении важной является сочленение, взаимообусловленность обыденной и бытийной ипостасей жизни человека.

В художественном мире произведения предметно воплощается телесность, образность, вещность, универсальные, типичные или необычные ситуации и объекты именно потому, что поле человеческого опыта являет собой систему, в которой принципом кодирования повседневности выступает наглядность. И вот этот эффект вещности, образности, телесности позволяет читателю другой культуры или эпохи декодировать повседневность текста. В этом случае чаще всего действует не принцип расширения знания, а целенаправленная установка на подсознательное считывание части целостной системы или всей целостности. При этом происходит оперирование категориями – часть / целое, общее / частное, и эти категории резонируют с собственной повседневностью читателя.

У повседневности есть еще одно важное свойство – историчность. А оно приводит к тому, что читателю одной эпохи бывает затруднительно понять повседневность иного времени, так как культурные реалии могут разительно отличаться, и тогда адекватное декодирование текста может стать почти недостижимым. К примеру, нынче сложно

представить себе без дополнительного разъяснения технологию создания и использования «вощенного столика», о котором идет речь в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина, тогда как в романе «вощенный столик» обретает осязаемые свойства обыденной вещи, без которой не обходился быт русской дворянской усадьбы начала XIX в.

Отметим, что повседневность является дифференцирующим фактором, именно поэтому носитель повседневности желает видеть мир только таким и никаким другим. С этой точки зрения конфликт романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» заключается не только в столкновении разных поколений и идеологий, но и в коллизии разных повседневностей – дворянской и разночинной (Кирсанов и Базаров), каждая из которых стремится отграничить себя от другой. Их пересечение вызывает взрыв непонимания, отторжения, неприятия, причем эти чувства рациональному объяснению не поддаются, они возникают интуитивно до логического словесного оформления.

В отечественном литературоведении теоретическое осознание повседневности как сложного эстетического феномена только формируется, зачастую уходя в сферу исследования именно бытовых, этнографических, региональных деталей, особенностей моды, одежды, интерьера и т.д. Показательно название статьи Б.В. Дубина «Быт, бытовщина, обыденность: Идея и история повседневности в России» с точки зрения интерпретации повседневности в русской культуре. Ученый прав в том, что, начиная с XIX в., отношение к повседневности в русской культуре было зачастую отрицательным [Гончаренко, с. 188; Селеменова]. Добавим, что методологически повседневность чаще всего рассматривается в виде следующих бинарных оппозиций: внешний мир / внутренний мир, обыденный мир / возвышенный мир, аутентичный мир / неаутентичный мир, быт / творчество.

Формы художественной реализации повседневности в романтизме, критическом реализме, натурализме, модернизме, постмодернизме были разнообразными. В романтизме жизнь бюргера рассматривалась с иронической, сатирической, гротескной точки зрения, ей противопоставлялся удел художника-творца. В реализме и натурализме повседневные реалии скрупулезно анализировались, создавался обыденный фон, а жизнь зачастую представлялась серой, унылой, неласковой и даже жестокой к человеку. Для модернистов свойственен интерес к повседневности как многозначному способу художественной реализации телесности / духовности. В постмодернизме обыденная жизнь эстетизируется с позиций выражения творческого начала художника.

Литература XX в. по-разному осваивала повседневность, отношение к этой части человеческого существования у писателей было иногда прямо противоположным. Положительная или негативная интерпретация повседневности даже внутри эстетического направления зависит от нескольких факторов. Назовем два: 1) индивидуальное осознание писателем обыденности как созидającego или разрушительного фактора; 2) творческая интенция автора, нацеленная на то, чтобы либо под-

вергнуть повседневность критике, осмеянию и даже остракизму, либо увидеть в ней фундирующее начало человеческой жизни.

Поэты и писатели модернизма обратились к художественному освоению обыденного знания и обыденного сознания, повседневного поведения человека, обычного языка и повседневной речи, вернув им самостоятельное значение. Именно об этом говорила А. Ахматова в строке «когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Для дадаистов повседневность как важная сфера и образ жизни превратилась в предмет эстетического осмысления, чуть позднее сюрреалисты рассматривали культуру обыденной жизни как источник творческой грезы художника. Писатели, используя коллаж, включали предметы повседневности в произведение в качестве артефактов. Афиши, объявления, вывески, расписания, меню и так далее становились своеобразным индикатором времени, они были призваны подчеркнуть преодоление разрыва между высоким и низким в искусстве.

Повседневность стала одной из основных проблем в эстетике экзистенциализма, но при этом точка зрения, к примеру, Ж.-П. Сартра и А. Камю отличалась от позиции других модернистов. В повседневности они отразились монотонность, уничтожающую повторяемость, «неотличимость» (Ортега-и-Гассет) от другого и других. В романе Ж.-П. Сартра «Тошнота» повседневность предстает как вязкая и в то же время вещная, наглядная реальность, которая подталкивает героя к осознанию того, что существование предшествует сущности. Исчезновение смысла порождает абсурд, который формирует среду для противопоставления человеческого сознания миру вещей. И свободный выбор героя в абсурдном мире делает его одиночкой.

Д. Джойс и В. Вулф, напротив, рассматривают повседневность не только и даже не столько как ежедневную рутину, но как фундирующую основу, из которой произрастают все чувства, переживания, мечты, страдания человека, противоречия внутреннего и внешнего. В романе «Миссис Дэллоуэй» В. Вулф очень тонко подмечает, что повседневность бывает разной – повседневность банковской, политической, светской и других сфер. В этом произведении разные повседневности пространственно отграничены – Кларисса Дэллоуэй не выходит за пределы богатых кварталов Лондона, Элизабет в пику матери прогуливается по деловой части города, Септимус Смит живет на окраине, Питер Уолш отправляется на Уолл-стрит и в Риджент парк. Индивидуальные повседневности объединяются боем часов на Биг Бене и пролетом самолета над Лондоном, но момент единства краток и практически не повторим. Изображение повседневности выступает не просто как способ реализации творческого замысла писателя, но и как, что более важно, воплощение «moments of being» [Woolf], моментов мерцания жизни в потоке мыслей, воспоминаний, ощущений.

Повседневность обладает, на наш взгляд, еще одним принципиальным качеством – она охраняет человека, дает ему чувство стабильности, защищенности, устойчивости в мире. Забвение Блумом в романе

Д. Джойса «Улисс» всех дневных треволнений, его возвращение после путешествия по Дублину-вселенной под теплый бок Молли, которой он сам изменял и которую как изощренный ревнивец обоснованно подзревал в измене, можно объяснить не только поглощением мужского начала женским (что правомерно), но и жаждой персонажа ничего не менять, герметизировать созданную им самим повседневность. Блум, по выражению Джойса, «every man», обычный человек, не героическая личность, может и хочет видеть только такой мир, в котором ему уютно и комфортно и в котором он переживает чувства радости, довольства, боли, наслаждения, наконец, сострадания – к Стивену, сыну Руди, дочери, Молли и самому себе.

Джойс точно фиксирует, что в повседневности доминирует чувственное, эмоциональное, иррациональное начало, чего стоит изображение процесса покупки Блумом почки и ее приготовления, в котором задействованы зрение, обоняние, осязание. Откладывание удовольствия от вожделенной пищи, а Блум утром совершает путешествие в лавку мясника, по дороге в которую описывает дома, конторы и дает меткие характеристики практически всем обитателям улицы, превращает обычный завтрак в священнодействие [Джойс]. Повседневность становится динамичной, любой объект провоцирует воспоминание, переживание, усиливает внутреннюю эмоциональную жизнь, которая, в интерпретации писателя, иррациональна, хаотична и спонтанна, что превосходно соотносится с теорией интуитивизма А. Бергсона, которая была близка Джойсу.

Реализация в этом романе Джойса идеи повседневности воплощает жажду бытия и желание жить в опредмеченном, наглядном мире, когда даже ценностные ограничения доставляют удовлетворение и удовольствие. Миры Стивена и Блума не совпадают, потому что их повседневности разные: мир Стивена – это поле интеллектуала, а мир Блума – это сфера обычного человека. Их попытка понять друг друга заканчивается тем, что они высказались, озвучили свои тревоги, желания, скрытые чаяния и надежды, а затем разошлись. Стивен, наконец-то, нашел такого отца, который не стремится переделать его характер по-своему, а Блум утолил тоску по сыну. Ни один, ни другой не желают не то чтобы перенестись в повседневность другого, но даже примерить ее на себя. Стивен выбрал для себя стезю поэта, бунтаря, он ориентирован на новаторство в искусстве. Стивен, если воспользоваться классификацией Ортеги-и-Гассета, принадлежит к полемическому поколению. А Блум примиряется с тяготами жизни, его философию можно сформулировать следующим образом: так устроен мир. Он, согласно той же классификации, есть часть кумулятивного поколения. И ответить на вопрос, кто из них прав, не так-то просто: один адаптирован к сфере, в которой существует, а другой, желая покорить литературный олимп, стремится к изменению.

В романе Джойса повседневность как многогранная система, как своеобразный «локус творчества» [Lefebvre] начинает поворачивать-

ся разными гранями – от адаптивных стратегий в поведении Блума до преобразовательных стратегий Стивена, что демонстрирует разные формы освоения действительности и снимает жесткое противопоставление высшего и низшего порядка жизни, поверхностного и глубинного слоев мира. Именно поэтому нельзя сказать, что обыденное сознание Блума не заглядывает вглубь вещей, скользит по поверхности, просто оно настроено на восстановление и сохранение структур повседневности. А вот желание Стивена вырваться из Дублина связано с его творческой активностью, с разрушением критерия повседневной полезности, потому что в его представлении прагматизм не ведет к открытию истины.

В конце XX в. У. Голдинг в «Морской трилогии» дал блестящее изображение разных типов повседневности – сухопутной и морской. Повседневность парусника строга, жестко структурирована иерархически, длительное путешествие ставит человека перед дилеммой – либо он становится своим для морского братства, либо оно его отвергает. Аристократ Эдмунд Тэлбот вживается в новые условия, а пастор Колли нарушает иерархию морских правил, и потому погибает. Тэлбот только в момент страшного урагана понимает, что команда корабля – это единый организм, объединенный не просто стремлением выжить, но и работой, в которой каждый член экипажа знает свое место и маневр. Морская повседневность четко организована, но человек на паруснике имеет дело со стихией, которая ему неподвластна, а потому для корабельной обыденности характерно тяготение к архаике, которая зачастую не совпадает с рациональным объяснением мира.

Охранительное качество повседневности становится своеобразным якорем стабильности в неустойчивую эпоху постмодерна с ее эпистемологической неуверенностью, крахом знания, множеством истин, неверием в метадискурсы, многообразием рассказываемых историй и засильем массовой культуры. Постиндустриальное общество, при артикуляции ценности отдельного индивидуума, предполагает стандартизацию жизни, оставляя в качестве охранительного клапана некие ниши, в которых могут реализовываться отдельные маргиналы или маргинальные субкультуры.

Произведения Д. Коупленда во многом отражают состояние западного мира конца XX в. «Конец Истории», «смерть Бога» трактуется писателем как завершение одной истории и начало другой. В романе «Поколение X» «иксеры» не желают становиться новыми «яппи», они не рвутся к вершинам успеха и не желают устраивать личную жизнь. Более всего поколение девяностых тревожит стереотипность повседневности. Энди, ведущий повествование, восклицает: «куда не плюнь – везде одни и те же торговые центры с одинаковыми магазинами» [Коупленд, с. 123]. Торжество «прекрасного нового мира» обернулось навязчивым и ужасающим кошмаром современности: «То ли я хочу,... нет я-то не хочу, но мне хочется... проучить какую-нибудь старую клячу за то, что разбазарила мой мир» [Там же].

Д. Коупленд едко отзывается о замене духовных ценностей массовой культурой, унификации человека, от создания стиля «унисекс» до стандартизации психологии, которая в силу своей консервативной природы сопротивляется такому насилию. Коупленд говорит о важной проблеме: единообразная коллективная повседневность, обусловленная постиндустриальной массовой культурой, уничтожила индивидуальную повседневность. Человеку как отдельной личности не оказывается места в «гигантском супермаркете», который продуцирует бесконечные симулякры. Но именно индивидуальная повседневность, являющаяся символом приватности человеческой жизни, оказывается тем оазисом в хаотичном мире, в котором человек может обрести реальность.

В XXI в. постмодернистские теоретики разочаровываются в несметном количестве истин, начинаются поиски правды, о целостности которой говорил К. Ясперс. Даже маститый теоретик Ихаб Хассан признает, что постмодернистский проект себя исчерпал. В 70-х годах И. Хассан утверждал, что писатель превращается в постмодерниста тогда, когда воспринимает окружающую реальность (мир, человека, историю, религию, социум и т.д.) как интертекст.

Если намеренно все упростить, то именно на интертекстуальных переключках (цитатах, цитациях, аллюзиях, реминисценциях) между разными авторами, произведениями, прецедентными и мало известными текстами выстраивалась постмодернистская эстетика. Но референциальные связи, отсылки к античности (можно особо не выбирать, к примеру, А.С. Пушкин, Д. Джойс, У. Голдинг), средневековой (В. Скотт) или викторианству (Б. Бейнбридж, Д. Фаулз), аллюзии, реминисценции, цитаты и цитации были в литературе всегда. Они не являются исключительной прерогативой постмодернизма (мы не говорим сейчас об интертекстуальности как о принципе понимания мира и интертекстуальности как приеме). Современность опиралась на традицию или ее отрицала, что является завуалированной формой признания, отсутствие явленной или скрытой рефлексии грозило культурологической стагнацией, но никогда до этого референциальность не превращалась в самоцель.

Однако «случайности» (И. Хассан), которые должен был реализовать постмодернизм, никак не хотели укладываться в прокрустово ложе теории, они стали активно сопротивляться. Тот же И. Хассан в 2002 г. в докладе «По ту сторону постмодернизма: в направлении эстетики правды» (название доклада весьма показательное!) обозначил свое новое видение современной эстетической реальности: «Мы больше не разделяем представлений об абсолютной, трансцендентальной или основополагающей Истине (каламбур намеренный). Но в повседневной жизни мы без особого труда различаем истину и ложь, безобидное лукавство и сумрачный обман. Нельзя делать вид, будто атрофия трансцендентальных истин дает право на самообман или

оправдывает тенденциозность; истина – это не есть pravda» [Hassan, с. 22] (В оригинале слово «pravda» написано латиницей. – Т.С.)

В этом высказывании важно несколько пунктов: во-первых, И. Хассан до конца не отказывается от постмодернистской идеи о множественности истин, предстающих в единичном рассказывании. А во-вторых, ученый, и это чрезвычайно существенно, отмечает, что именно *повседневная жизнь* становится *проверкой* истины и лжи, обмана и притворства. И, наконец, в-третьих: И. Хассан разводит по полюсам понятия истины и правды, подчеркивая, что одно не равно другому. Думается, это происходит потому, что размывание «трансцендентальных истин» делает существование человека зыбким и ненадежным. Используя русское слово «pravda», И. Хассан, на наш взгляд, подчеркивает не аксиоматичность, которая акцентируется в истине, а *справедливость*, которая в ней как раз отсутствует, но эта семантика заключена в слове «*правда*».

Писатели-постмодернисты, используя приемы, жанры массовой литературы, стремились преодолеть разрыв между элитарным и массовым искусством. Их понимание обыденности, с ее повторяемостью, монотонностью, рутинностью и ритуальностью как сложного жизненного феномена позволяет избежать оценки повседневности как низшей формы культуры. Они не испытывают иллюзии, что стоит лишь сбросить оковы повседневности, как наступит благоденствие. Для них обыденность в виртуально-симультантном мире, который человек уже не может всесторонне осмыслить и объять, превращается в охранительную систему, позволяющую индивидууму чувствовать себя неотъемлемой частью места, времени, среды и культуры.

В отечественных трудах середины XX в., посвященных изучению западной и русской литературы, чаще всего акцентировался вопрос не о повседневности, а о быте, поглощающем человека, или герой стойчески преодолевал бытовщину. В работах семидесятых-восьмидесятых годов повседневность рассматривалась как вызов и своеобразная контроверза эпохе застоя. В нынешней литературоведческой науке только намечается поворот к анализу повседневности как неоднозначному феномену.

Итак, подведем итоги: повседневность – это сложная, динамически подвижная система, которая по-своему реализуется в различные исторические и литературные эпохи, внутри эстетических направлений и у разных писателей. При ее научном анализе в художественном тексте необходимо, на наш взгляд, обращать внимание на следующие проблемы:

- 1) многозначность природы повседневности (объективность / субъективность, рациональность / иррациональность);
- 2) динамическая подвижность повседневности и ее зависимость от исторического, социального и национального контекста;
- 3) какие эволюционные стратегии лежат в основе повседневности;
- 4) как в структурах повседневности реализуются культурные, исто-

рические, психологические, языковые, коммуникативные, властные и другие практики;

5) каким образом в повседневности проявляется идеологическая составляющая эпохи;

6) что является принципом кодирования повседневности;

7) каков статус повседневности в произведении (жизненно фундирующий или разрушающий);

8) какие авторские концепции создания повседневности воплощены в произведении (адаптивные / преобразовательные);

9) какие качества повседневности эстетически осмыслены в том или ином тексте (охранительные / разрушительные);

10) как она проживается героем или героями (физически, эмоционально, психологически и т.д.).

Когда речь идет о литературной рефлексии по поводу повседневности, важно, на наш взгляд, выяснить не только то, как к ней относится сам автор, как он определяет ее статус, но и то, как она изображается в произведении, кто о ней говорит (биографический автор, повествователь, автор-повествователь, герой или кто-то другой). Как она исторически, социально, национально идентифицируется? О какой повседневности идет речь: отдельного человека, социальной группы, слоя, этноса и так далее? Есть ли в произведении конфликт разных повседневностей, и каков характер этой коллизии?

Естественно, повседневность является частью жизни индивидуума, она возникает как результат «оповседневливания» (*Veralltaglichung*), которому противостоит процесс «преодоления повседневности» (*Entalltaglichung*). Изображение героя, объективно существующего мира и взаимоотношений социальных групп, создание языковой коммуникации и передача автоматических действий человека невозможны без противопоставления повседневного и неповседневного. Эволюционные стратегии составляют основу повседневности, а преобразующие стратегии – это базис неповседневности. Повседневность есть близкое, привычное, упорядоченное, а неповседневность суть непривычное, необычное, далекое. При их изображении практически у каждого писателя проявляются явные или неявные предпочтения, недоговоренности или, наоборот, многословие, а иногда даже претензии на исключительность.

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.

Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. Т.1 М., 1986.

Гончаренко Е.В. Концепция повседневного существования в литературе экзистенциализма и постмодернизма // *Англистика XXI века.* Вып. 4: сб. материалов IV Всерос. науч. конф. СПб., 2008.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т.4. М., 1980.

Джойс Д. Улисс. М., 1993.

Ионин Л.Г. Понимающая социология: историко-критический анализ. М., 1979.

Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М., 2004.

Коупленд Д. Поколение X // Иностранная литература. 1998. № 3.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 4-изд., доп. М., 2004.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2005.

Селеменова М.В. Поэтика повседневности в городской прозе Ю.В. Трифонова // Изв. Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2008. № 59 (Вып. 16. Филология).

Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. СПб., 1997.

Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб., 1998.

The Certeau Reader / Ed. by Graham Ward. Blackwell Publishers, 1999.

Lefebvre H. Everyday Life in the Modern World. L., 1971.

Golding W. The Rites of Passage. L., 1980.

Hassan I. Beyond Postmodernism: Towards an Aesthetic of Trust. 2004.

Woolf V. Mrs. Dalloway and Essays. M., 1984.